

Ирина Скидневская, Юлия Мальт

Господин Хансен, который переплыл море, и его дети

Часть сборника
А зомби здесь тихие (сборник)

Ирина Скидневская

**Господин Хансен, который
переплыл море, и его дети**

«ЭКСМО»

2013

Скидневская И.

Господин Хансен, который переплыл море, и его дети /
И. Скидневская — «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-457-35266-7

«...Она отпрянула от окна, чтобы Томас ее не видел, но не смогла отвести взгляд от поднимающейся белой крышки багажника. Когда пушистый зверь, перепачканный собственной кровью, выпрыгнул из машины и несколькими прыжками пересек двор, а потом выскочил через раскрытые ворота и вдарил по дороге, Томас негромко рассмеялся... Он обернулся, чтобы посмотреть, видела ли Камилла. Но она затаилась за портьерой. В превосходном настроении он сел в машину и уехал. Створки кованых ворот медленно сомкнулись, приведенные в движение автоматической системой...»

ISBN 978-5-457-35266-7

© Скидневская И., 2013
© Эксмо, 2013

Ирина Скидневская, Юлия Мальт Господин Хансен, который переплыл море, и его дети

В Осло Камилла улетела самолетом, обратно решила вернуться поездом, хотела в который раз полюбоваться яркими снегами Хардангервидды под огромным синим небом.

Поезд выскочил из туннеля, серебро замерзшей речки на миг ослепило, а затем словно воздуха стало больше – от всего голубого и белого. Этот ландшафт никогда не наскучит, столько действия в этих безбрежных снегах. Облака, притворяясь сугробами, меняют до неузнаваемости знакомые долины; снятые ветром со скал завесы тончайшей снежной пудры сверкают над пропастями, а вон там, вдалеке, цепочка крошечных лыжников старательно чертит две параллельные линии через гигантское девственное плато. После Финсе мистерия гор набрала полную силу, но приближение к дому всколыхнуло мысли о Томасе, об их жизни вдвоем.

Они были знакомы с детства. Однажды ее старший брат привел в дом светловолосого подростка с такими же, как у нее, серыми глазами. «Это Томас Хансен, – сказал брат. – Он приехал из деревни. У него в семье все утонули, и теперь он живет у бабки». *Все утонули* — в этом была какая-то тайна и сладкий ужас, которые делали Томаса Хансена героем в глазах друзей и школьных товарищей. Все утонули, значит, некому расспрашивать об уроках, заставлять надевать ненавистный костюм, когда в воскресенье семья отправляется в гости, – ведь бабушка старенькая и наверняка не будет такой занудой, как родители.

Правда, Томас не нуждался в послаблениях со стороны учителей, на какие вполне мог рассчитывать круглый сирота, – он был необыкновенно одарен, учился легко, блестяще сдавал все экзамены, и это был еще один повод для всеобщей зависти. Зависть эта, впрочем, вылилась только в присказку, которая прилипла к его фамилии: «который утонул в море». Постепенно ею стали пользоваться все. «Какой Хансен, у которого ротвейлер?» – «Да нет! Который утонул в море». Что же касается Камиллы, то она все альбомы изрисовала его портретами. Когда он приходил к брату, она, забившись в какой-нибудь уголок и мучительно краснея, если взгляд его вдруг падал на нее, мечтала скорей повзрослеть и выйти за него замуж.

Вряд ли он замечал ее, ребенка. Они росли в близких, но параллельных мирах, которые разошлись в его восемнадцать и ее пятнадцать самым жестоким для Камиллы образом: дальний-предальний родственник Томаса, дядя, как он его называл, известный офтальмолог, забрал Томаса в Осло. Там Томас успешно закончил медицинский факультет университета и разбил не одно девичье сердце. А Камилла за годы разлуки выучилась в местной Художественной Академии писать маслом картины и сделала аборт от подающего надежды мариниста, после чего не могла иметь детей. Художник, причина несчастья, куда-то быстро испарился.

Томас вернулся из Осло, приняв приглашение участвовать в проекте, касающемся перспективной темы в анестезиологии и хирургии, и одновременно практиковать в университетской клинике в отделении реанимации. Он был полон надежд и амбиций, его честолюбивые планы надежно подкреплялись знаниями, умом и так необходимым в науке чутьем экспериментатора. Все смотрели на Томаса как на будущее медицинское светило, начавшее величественное шествие по небосводу науки, а он благосклонно принимал восхищение – привык к нему с детства.

Когда они случайно встретились на одной вечеринке, выяснилось, что оба любят разгрызать семечки от яблок. Во вторую встречу вечно занятой Томас обратил внимание на то,

что Камилла необыкновенно красива, танцует просто изумительно и пользуется грандиозным успехом у мужчин. Они стали встречаться почти каждый день, много разговаривать, гулять по окрестным горам, обсуждать любимые книги и фильмы. Он ничего не понимал в живописи, она – в медицине, но обоим это устраивало. Впрочем, он сумел ее удивить, играючи вторгшись на ее территорию. Она показала ему несколько базовых живописных приемов, и он почти шутя написал ее портрет. Правда, из-за острой нехватки времени этим его увлечение живописью закончилось. Но Камилла лишний раз убедилась в том, что талантливый человек талантлив во многом.

Однажды во время традиционного предрождественского праздника в университете к ним подошел приятель Томаса и шутливо поприветствовал его, назвав «тем самым Хансеном, который утонул в море». Камилла поправила: «Нет, он Хансен, *который переплыл море*». На следующий день Томас сделал ей предложение. Свадьбу сыграли быстро, на Пасху, в высокогорном отеле, предпочтя толпам малознакомых гостей праздник в тесном дружеском кругу и горнолыжные радости.

Камилла поднялась, прошла в конец вагона, налила себе еще кофе из большого термоса на столике в углу, снова откинулась на прохладную спинку пассажирского кресла. Благодарность за то, что имеешь, – неперемное условие счастья, она была благодарна за многое: за то, что родилась в удивительном месте, за умение всюду видеть прекрасное и переносить его кистью на холст. За чудесных и мудрых родителей, за их с братом безоблачное детство. За добрый и родной дом над фьордом, за шум сада и пение птиц за окном. И за любимого мужа – ее первую любовь, щедрый ответ на ее страстные молитвы. Все сбылось, все так, как мечталось: работа, что приносит счастье, любовь, красота и здоровье, поездки в далекие страны. Все хорошо. И все же оставалась неопределенная, едва ощутимая тревога. Томас всегда страстно отдавался учебе, работе, в этом году защитил докторскую, но в последнее время он как одержимый. Он словно не видит ничего вокруг себя. И это его открытие... Лучше бы его никогда не было.

В конце февраля северный город жил предчувствием весны, запахи талого снега и первых цветов смешались с морским юго-западным ветром. Тут и там с балконов и из открытых окон доносились звуки вечеринок, а в уличных кафе вдоль набережной, укутавшись в толстые пледы, сидели первые вестники предстоящего туристического паломничества – японцы.

Томас, выбираясь из пробки, опоздал на двадцать минут, потом, сильно нервничая, искал место для парковки. Он выбежал на пустой перрон, держа в одной руке серебристый кейс, с которым никогда не расставался, а в другой – букет так называемых «пламенеющих роз», любимых цветов Камиллы. Они выглядели как живой огонь со всеми его оттенками оранжевого и красного.

Камилла стояла вдали, спиной к нему, в чудесном ярко-синем пальто с круглым черным воротником из искусственного меха, которое так ему нравилось. Слегка откинув назад голову, она смотрела в противоположную сторону, на горы. Налетавший под крышу вокзала ветер развеивал длинные черные волосы, прямые и блестящие, у ног стояла дорожная сумка на колесиках. Улыбаясь, Томас легко зашагал по бетонным плитам.

Она всегда знала, как нужно поступить. Другая начала бы метаться, испуганно спрашивать в трубку: «Ты где? С тобой все в порядке? Дела?! А я так волнуюсь... Стою здесь, как дура... Вечно ты опаздываешь!» Ничего этого не было. Она ждала его на холодном перроне (почему на вокзалах всегда так дует?). Его белокожая фея с нежным лицом стояла твердо, как скала. За это он любил ее больше всего – за мягкость и доброту, странным образом сочетавшиеся с сильным характером и здравым смыслом. Она знала: не нужно уходить с перрона, это только все запутает, ведь Томас, который почему-то плохо ориентировался в обществен-

ных местах, пришел бы за нею сюда... Умница. Она была стопроцентной умницей. Легко к нему приспособлялась, понимала с полуслова.

Они были женаты шестой год. По дороге на вокзал он думал об этом. Землетрясения измен расшатывали семейные пары, с которыми они были дружны; идеалы любви и верности рушились, как древние осажденные города, под грохот бьющейся посуды подводились безрадостные итоги. А они с Камиллой едва ли насчитали бы пять серьезных размолвок. Ему казалось, это всех раздражает. Но в прошлом году знойный ветер Содомы и Гоморры пронесся и над их уютным семейным гнездышком. В течение целой недели он самым животным образом наслаждался в своем кабинете обществом пухленькой двадцатидвухлетней лаборантки. Навязав Камилле личную встречу, та в гадких подробностях поведала о жарких вечерах с профессором Хансеном под высокими университетскими сводами. И после всего этого – ни упрека, ни истерик. Камилла исчезла из дома, забрав незаконченную картину и чемодан с куклами, которых мастерила для частных коллекций.

Он не знал, что ему делать. Взял на работе отгулы, лежал одетым на их большой кровати и бессмысленно смотрел телевизор с выключенным звуком, потому что у него дико трещала голова. На прикроватной тумбочке стояла так и не распечатанная бутылка любимого напитка Джеймса Бонда, картины. Несколько раз звонила лаборантка. Он смог только сказать: «Ты... ты...» – из остального вышли булькающие звуки, будто он шел ко дну. Это было к месту, ведь теперь он действительно был Хансеном из их родового проклятия, Хансеном, который утонул в море.

На третий день приехал Трим, его школьный приятель, у него была бензозаправка и четверо детей от разных жен. Томас лежал на кровати небритый, в мятой одежде. «Ты ей звонил?» – «Кому? – тупо переспросил Томас. – Лаборантке?» – «Слушай, гений, будущий лауреат Нобелевской премии, – сказал Трим, отобрав у него пульт от телевизора. – Ты хоть немного соображаешь? Или совсем дурак? Вставай, дубина. Иди в душ, приведи себя в порядок. А потом сразу к ней».

Начались унижительные визиты к друзьям, пьяные слезы и просьбы дать ее новый адрес. Теперь его понимали лучше, чем когда он был просто «гением, мужем Камиллы». Через полгода она вернулась, согласившись с формулировкой «Временно сошел с ума», но он не любил вспоминать, чего ему это стоило. В его тогдашнем тоскливом, убийственном одиночестве был один положительный момент. Он в этом взвинченном состоянии очень много, захлеб, почти истерично, работал. Вывел несколько перспективных формул, сделал массу проб... Когда она вернулась, он вплотную приблизился к своему открытию. Все к лучшему, да, определенно, все к лучшему в этом лучшем из миров.

...Он подошел сзади, прижался, чтобы почувствовать ее тело, по которому уже соскучился, и, выставив вперед правую руку с букетом, уткнулся лицом в шелковистые волосы, вдохнул запахи духов и ветра. В носу защекотало, он чихнул. Камилла тихонько засмеялась, подхватывая возникшие перед нею цветы.

– Это вы? Господин Хансен, который переплыл море? – Голос у нее всегда был низким, но сейчас в нем проскальзывали хрипловатые нотки, которые так волновали его в постели. Им овладело нетерпение.

– Да-да, это он! – дурашливо пробасил Томас.

Она подставила губы для поцелуя, он торопливо прижался к ним. Помада была карамельно-сладкой, губы ледяными. Его огорчил ее усталый вид, глубокие тени под серыми подведенными глазами. Лицо на холоде не покраснело, напротив, стало еще блее. – Прости, Милла, я опоздал... Замерзла?

– Немного простудилась в Осло.

Проклиная свое опоздание, он выругался про себя.

Пока они шли к припаркованной машине, Томас дважды намеренно отстал, завозившись с ее сумкой, – исподтишка разглядывал Камиллу. Если в одежде появилось что-то новое, значит, она продала картину. Такая у них была игра. Как художница, она любила символы, хотела, чтобы он разгадывал всякие сложные метафоры. Нет, никаких изменений он не заметил. Когда она уезжала, на ней было это синее кашемировое пальто ниже колен, расширенное от талии, с черным лакированным пояском, та же сумочка через плечо, черные брючки, обувь на платформе. Какая смешная мода этой осенью – все носят коровьи копыта...

– Господин Хансен, у меня спина дымится от ваших взглядов, – сказала Камилла. Он чувствовал, что она улыбается.

– До сих пор не понимаю, как я сумел подцепить такую красотку...

– Я тоже, профессор. Выбор у вас был огромный.

С недавних пор он остерегался шутить на эту тему и перевел разговор на ее поездку. Но и Камилле не хотелось вспоминать, у нее, похоже, совсем разболелась голова, она спросила про работу. Все хорошо, ответил он, просто отлично, три успешных, м-м, реанимации за эту неделю. И быстро взглянул на нее, пока засовывал сумку в багажник. Ему не до споров. Если честно, он не хотел сейчас ни о чем не думать, не говорить. Ни о чем, кроме секса. В конце концов, они не виделись больше недели.

Они сели в машину.

– Я скучал по тебе, – с намеком сказал он, поворачивая ключ.

Машина завелась, неожиданно громко заиграло радио, страстно заныли скрипки. «Бесаме, бесаме мучо... Целуй меня, целуй меня крепче...» Камилла болезненно поморщилась, Томас убавил звук.

– Три случая? Ты с ума сошел, Томас. Это пахнет тюрьмой. Применение неразрешенного... даже непроверенного препарата. Если ты не остановишься...

Он перебил:

– Это пахнет «нобелевкой», и я не остановлюсь.

– Я не сомневаюсь, что ты ее достоин, но ты должен объявить о своем открытии. Чем скорее, тем лучше.

– Я должен все хорошо проверить, убедиться в стойкости эффекта. И, если хочешь, мое открытие выстрадано, я слишком много над ним работал, чтобы кому-то подарить.

Формально Томас был прав, но у Камиллы заныло в груди. Он тянул с объявлением об открытии. Что-то тут было не так.

– Берг делал намеки? Предлагал сотрудничество? – спросила она. Леон Берг был руководителем проекта, в котором работал Томас. – Он что-то понял?!

– Пока речь идет о комбинированном способе реанимации...

– Комбинированном?

– Я рассказывал об этом у Джобина, когда мы праздновали защиту его докторской, – сдерживая внезапно нахлынувшее раздражение, сказал Томас. – Ты там была.

Томас затронул болезную тему. Камилла замолчала. Джобин славный парень, талантливый, такой же, как Томас, и подруга у него замечательная, оба умеют радоваться жизни и красиво отдыхать. Но разговоры врачей, само собой, крутятся вокруг непонятных ей тем. На вечеринках Камилла нередко чувствовала себя не в своей тарелке. Художница, жена ученого...

Стемнело. Над шестисотметровой глыбой горы Ульрикен, еще покрытой снегом, синел светящийся шпиль телебашни. Гора призраком нависала над городом. Она вроде бы совсем рядом, у подножия жилые кварталы, ярко освещенные улицы, и в то же время существует отдельно, невидимая в темноте. Днем на нее можно подняться по канатной дороге или узким тропинкам, которые и тропинками не назовешь, а ночью она неприступна...

«Может быть, в этот час поздний ты, осмелев, наконец поцелуешь меня...» – неслось из динамиков. Пролетев местный рай – Парадиз, автомобиль зашелестел шинами по узким дорогам другого фешенебельного района, Хупа. Здесь они жили уже несколько лет в домике покойной бабушки Томаса. Из гостиной открывался тот самый, неповторимый, знаменитый по туристическим проспектам вид на фьорд и Мраморные острова. Триста лет назад на островах пытались добывать мрамор. Подробности предприятия канули в Лету, но красивое название осталось.

– Значит, ты все-таки продала картину? – сказал Томас, чтобы сгладить резкость своих слов и разрядить затянувшееся молчание.

– Как ты узнал? – устало спросила Камилла.

– Новые духи.

Она кивнула. Томас надавил на газ, он любил погонять по старой пустынной дороге, обсаженной вязами. «Зима пройдет, и весна промелькнет... и весна промелькнет. Увянут все цветы, снегом их зemetет...» Всякий раз, въезжая в эту аллею, Камилла представляла себе человека, который весь мир покори́л песней девушки, бегущей на лыжах, – здесь неподалеку было его поместье. Вот и сейчас ей на мгновение представилось, будто мимо пронеслась конная коляска...

Головная боль изводила ее, хотелось побыстрее добраться до сумерек спальни и провалиться в исцеляющий сон. «Ты слишком быстро едешь, Томас, убавь скорость», – собралась сказать Камилла, но из динамиков неслось пронзительное: «И ты ко мне вернешься – мне сердце говорит... мне сердце говорит...», она заслушалась. Букет сполз с колен под ноги, Камилла хотела поднять, но мешал ремень безопасности.

Она взглянула на Томаса – на его лице застыло то блаженство, какое всегда давала ему быстрая езда. Дорога была залита мягким лунным светом, прорезанным лучами фар. «Тебе верна останусь, тобой лишь буду жить... тобой лишь буду жить...» Камилла быстро отстегнула ремень. В тот же миг завизжали тормоза, машину сильно тряхнуло. Камилла почувствовала удар в лицо и потеряла сознание.

...Очнулась она от резкого запаха нашатыря и обнаружила, что лежит в своем кресле, откинута до горизонтального положения. Томас стоял снаружи. Дверца в салон была открыта, свежий воздух дул ей в голову, а Томас, склонившись над ней, держал ее за руку и считал пульс.

– Что случилось? – кое-как выговорила Камилла.

– Подушка безопасности сработала. Я уже убрал. Ну зачем ты отстегнулась?!

Она хотела сказать: «А зачем ты так гнал?», но на глаза набежали слезы, она всхлинула.

– Ну, прости меня, прости, дорогая, – виновато забормотал он. – Как ты себя чувствуешь?

– Нос болит... и очень холодно...

– Сейчас дверь закрою, и будет нормально. Возможно, у тебя легкое сотрясение мозга, но давление и пульс в норме, это уже хорошо. В принципе, ничего страшного.

– Сколько я была в обмороке?

– Недолго. С минуту. Тебя не тошнит?

– Нет... Но что такое, Томас? Авария?

Он сказал с досадой:

– Какой-то зверь перебежал дорогу, одна фара разбита. Пойду посмотрю. Если живой, нужно оказать ему помощь. Ты полежи, я быстро.

Он ушел. Она слышала, как он ходит туда-сюда по дороге и недовольно бормочет, видимо, ищет сбитого зверя, потом все смолкло. Когда Томас закрыл дверцу и свет в салоне погас, на Камиллу напал ее всегдашний первобытный страх перед темнотой, перед ночным

одиночеством. Тоска, тоска... Было невыносимо оставаться во мраке, она села на сиденье, открыла дверцу и осторожно выбралась наружу. Чувствовала она себя на удивление хорошо, голова не кружилась, прекратилась дрожь, и даже нос больше не болел. Но вот пальто, кажется, было безнадежно испачкано кровью.

Впереди, у обочины, сияло пятно света от фонаря. Томас сидел на корточках перед неподвижно лежащим зверем. Камилла бесшумно подошла и заметила, что он делает ему инъекцию в заднюю лапу.

– Томас?

От неожиданности он вздрогнул. Аккуратно закрыл шприц колпачком, спрятал в карман плаща.

– Ты меня напугала.

– О, извини, я не хотела... Кто это?

Она присела рядом с ним на корточки и стала разглядывать зверька. Он был похож на небольшую пушистую собаку – с черно-белой мордой и полосатым хвостом. Только лапы с длинными пальцами были слишком похожи на кисть, а разбитая в кровь мордочка – заостренной... Определенно, зверь был мертв, он не двигался и не дышал.

– Кажется, это енот.

– Он погиб? Бедный... Никогда не слышала, что у нас водятся еноты.

– Помнишь тот скандал? Из Дании незаконно ввезли енотов, сибирских белок, еще кого-то. Наверное, он из тех. Плодятся и шастают тут... – Томас поднялся с корточек. – Слава богу, ты совсем ожила. Не возьмешь фонарь? Надо отнести его в машину.

– Вдруг он какой-нибудь заразный? – заволновавшись, сказала Камилла. – Если от лисиц можно заразиться бешенством, то и от енотов тоже... Он весь в крови, Томас! Не поднимай его!

Но он уже нес енота в машину. Смирившись, она помогла ему: донесла фонарь, открыла багажник и вдруг почувствовала прилив крови к лицу, сигнал тревоги, который ее никогда не подводил. Ее беспокоила инъекция, которую муж поставил еноту. Ему понадобилось время, чтобы привести ее в порядок – откинуть сиденье, убрать подушку безопасности, достать нашатырь... они разговаривали, потом он искал енота – вышло гораздо больше, чем пять минут...

– Он же мертвый, Томас, – сказала она хрипло. – Все реанимационные сроки прошли. Зачем ты делал ему инъекцию? Поставил свою сыворотку, да? Зачем?

– Сядь в машину, – с внезапным раздражением бросил он, захлопнув багажник. – Зачем да почему. Ну и денек выдался. – Он сжал кулак и хотел ударить по багажнику, но сдержался и, не глядя на Камиллу, пошел садиться.

Мертвый енот окончательно испортил вечер. За короткие минуты пути, оставшиеся до их дома, они не проронили ни слова, молчала и магнитола, исчерпавшая запас лирики. Дома отчуждение не прошло. Камилла приняла душ и сразу легла, а Томас ушел смотреть телевизор в гостиной и провел ночь там же, на кожаном диване, в компании шерстяного пледа.

...Ее разбудил распространившийся по дому запах свежесваренного кофе. Кофе в семь утра – это начало рабочего дня Томаса. В выходной он вставал ровно на час позже. Камилла надеялась, что на сегодня он взял отгул, но, судя по тому, что был совершен утренний кофейный ритуал, Томас решил уехать. Вспомнив вчерашнюю встречу и тот неприятный тон, каким он велел ей сесть в машину, она решила, что сегодня ни за что не станет с ним ссориться. Ради чего? Она любит его, она поклялась быть с ним в горе и радости и должна его во всем поддерживать. Ей и так повезло, что ее полюбил мужчина, о котором она мечтала с детства. Лелея свои добрые намерения, она отправилась в ванную.

...В кофейнике был свежий кофе. Томас не любил пользоваться кофемашиной, варил сам. Камилла обжарила в тостере кусочек хлеба, налила полную кружку кофе и подошла к окну, выходящему из кухни во двор, чтобы помахать мужу на прощание.

Прошедший ночью снег выбелил двор, старые деревья, что росли вдоль заборчика, дорогу, убегавшую за соседские дома. Фьорд в эту пору года был покрыт пористым тающим льдом, Мраморные острова казались вереницей дрейфующих во льдах кораблей.

Томас, в светло-серой куртке и черной вязаной шапочке, подаренной ею на день рождения, неторопливо смахивал с машины снег щеткой на длинной ручке. Улыбаясь, она постукала по стеклу костяшками пальцев, он обернулся и с милой улыбкой, которую она обожала, помахал ей. Потом озабоченно крикнул, жестикулируя:

– Как голова?..

Камилла показала ему поднятый вверх большой палец. Он удовлетворенно кивнул, прощаясь, поднял руку, она помахала в ответ и отошла от окна. Томас уже завел машину, но вдруг, что-то вспомнив, вылез и пошел к багажнику. Камилла заметила это краем глаза. Вчерашняя сцена со злосчастным енотом встала перед глазами, как живая. За те несколько секунд, что Томас открывал багажник, в Камилле все оцепенело, она вдруг отчетливо увидела, что сейчас произойдет. Это было иррациональное предчувствие, мучительное, как внезапная вспышка в темноте. В чем-то это было очень похоже на вдохновение, побуждавшее ее писать картины, мастерить кукол, пойти и испечь пирог по только что придуманному рецепту. Тогда ее подхватывал и увлекал какой-то волшебный вихрь, сейчас – сердце готово было выпрыгнуть из груди, а видение приблизилось настолько, что она могла различить каждую белую ость в полосатом хвосте зверя, который вот-вот скользнет из машины на землю и рванет к аллее...

Она отпрянула от окна, чтобы Томас ее не видел, но не смогла отвести взгляд от поднимающейся белой крышки багажника. Когда пушистый зверь, перепачканный собственной кровью, выпрыгнул из машины и несколькими прыжками пересек двор, а потом выскочил через раскрытые ворота и вдарил по дороге, Томас негромко рассмеялся... Он обернулся, чтобы посмотреть, видела ли Камилла. Но она затаилась за портьерой. В превосходном настроении он сел в машину и уехал. Створки кованых ворот медленно сомкнулись, приведенные в движение автоматической системой.

Камилла не могла сойти с места. Чтобы унять бешеную карусель мыслей, она призвала на помощь одну-единственную, спасительную: все хорошо, это просто работа Томаса. Просто работа. Просто работа. Но почему-то ей вспомнилась гора Ульрикен. Как было бы хорошо оказаться сейчас там, наверху, под вечно ледяными ветрами, в совсем ином, иллюзорно-близком мире гор, окружающих город. Там, откуда любая земная проблема кажется маленькой и несущественной...

Через три недели

Бьорн Слеттен сидел в очереди в кабинет доктора Хансена и думал с сожалением о том, что для него жизнь вступила в ту странную фазу, о которой уже не слагают любовных песен. В сорок два года силы еще есть, но уже не те, с хромой ногой не побежишь стометровку на время. Мужественность и та какая-то надсадная. Приходится все время напрягаться, доказывая ее, а в это время безжалостный внутренний голос нашептывает про подмоченность пороха и седеющие виски.

Сегодня утром его подробно допрашивал следователь из прокуратуры. Как он оказался на месте покушения? Почему фру Ульсен в него выстрелила? Уверен ли он, что у них с фру Ульсен не было любовной связи? И прочая чушь. При этом никакой профессиональной солидарности или хотя бы сочувствия, а ведь почти коллеги. Ему не единожды было сказано,

что фру Ульсен принадлежит к уважаемой семье и имеет общественное положение. Читай между строк, что Бьорн – ноль, всего лишь частный детектив, отслеживающий неверных жен и мужей. А то, что фру, определенно, страдает манией преследования и палит в первого встречного, который показался ей подозрительным, значения не имеет. А если, возразил следователь, это была самооборона?!

Эти мысли только взвинчивали нервы, Бьорн решил переключиться на что-нибудь приятное, например, на созерцание пейзажа. Он пересел поближе к окну, но пелена снега скрывала даже деревья больничного парка. По коридору ходили врачи и студенты в белых врачебных костюмах. Хирургическое отделение клиники – довольно оживленное место, не то что реанимация, куда он загремел две недели назад. Рядом кто-то со злостью бубнил, Бьорн ни слова не мог разобрать, но злоба удивила его, очень удивила. Человек находился на грани психического срыва, примерно как фру Ульсен. Он скользнул взглядом по очереди – все было спокойно. Бормотание заглохло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.